

Хамид Алимджан

СЕМУРГ

Глава первая

1

Много ль, мало ли лет назад
На земле жила Паризад,
Дочка хана. Была она
Хороша, как в саду весна.
Кипарису подобный стан.
Черным блеском кос осиян.
Как нарциссы, глаза нежны,
Стрелы гнутых ресниц длинны.
Ее брови на белом лбу
Меж собою вели борьбу.
Восхищенные красотой
Круглой родинки золотой.
На коралловых губ изгиб
Кто засмотрится — тот погиб.
Чтоб такой красоты гроза
Не слепила людей глаза,
Обнесен был стеною сад
Ханской дочери Паризад.

2

Шла молва об ее красе,
Словно ветер по полосе;
Рассыпала кругом молва
Золотые свои слова.
И джигиты теряли сон —
Каждый был в Паризад влюблен.
Каждый плакал, как соловей,
У закрытых ее дверей
Был в разгаре большой базар —
Всем по вкусу такой товар,
Все спешили средь суеты
К заповеднику красоты.
Нагружали своих ослов,
Посылали седых послов
Скакуны их туда несли.
Их верблюды туда везли
Женихи устремлялись в сад

Ханской дочери Паризад

3

Но, собою опьянена,
Равнодушна была она.
Что ей розы, что соловьи,
Что ей муки чужой любви?
Занималась только собой,
Любовалась только собой.
Об ограду ее дворца
Разбивались не раз сердца.
И сгорали они дотла,
Оставалась одна зола.
И шумела кругом молва:
«Дочь-то ханская какова!
У красавицы погляди —
Сердце каменное в груди.
Червоточинка скрыта в нем,
В этом яблоке золотом»
Этой славы дурной слова
Разносила кругом молва,
Закрывая дороги в сад,
К ханской дочери Паризад.

4

И услышал про это хан.
И не спал до рассвета хан.
На рассвете с постели встал
И к себе Паризад позвал.
Не скрывая тоски своей,
Он воскликнул навстречу ей:
«Слушай, роза моих услад,
Слушай, дочь моя Паризад!
Я не спал напролет всю ночь, -
Не могу тоски превозмочь.
Ты свела старика с ума,
Что мне делать, скажи сама,
Коль в народе идет молва:
«Вот у хана дочь какова!
У красавицы, погляди, -
Сердце каменное в груди
Никогда ей любви не знать,
Старой девою вековать.
Червоточинка скрыта в нем,
В ханском яблоке золотом».

Червоточинка!.. Слышишь ты?
Иль от гнева не дышишь ты?
Я от этих слов поседел
Больше, чем от военных дел.
Я не знаю, как быть с тобой,
Со своею большой бедой.. »
И прекрасная Паризад
Опустила горящий взгляд,
Загорелся лик кумачом,
Побледнела она потом
И сказала, едва дыша:
«Слава всякая хороша...
Ладно! Пусть богатырь любой
Хоть сегодня придет за мной.
Выйду замуж я за него,
Но условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон
Много силы в его корнях.
В чернобурых седых ветвях.
Он столетьями в землю врыт,
Тайны вещице он хранит.
Тот джигит будет мужем мне,
Кто на резвом своем коне
На столетний чинар взлетит,
Вырвет с корнем и сокрушит.
Знайте, сердце мое тогда
Станет пламенем вместо льда.
Знайте, стану его женой!
Пусть приедет джигит за мной... »
Хан улыбкою просиял
И придворных своих созвал,
Приказал разгласить тотчас
Высочайший такой указ:
«Эй, джигиты моей страны!
Вы в походах закалены.
Вам сверкает сквозь мрак времен
Красным золотом ханский трон,
Эй, скачите во весь опор!
Эй, летите на ханский двор!
Будет пир изо всех пиров,
Состязание удальцов.
И достанется сверх наград
Победителю Паризад,
Будет верной женой его,

А условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар.
Корни в толщу земли вросли,
Ветви небо все оплели.
Пусть разгонит коня джигит,
Пусть на древний чинар взлетит,
Свалит дерево на скаку,-
И достанется смельчаку
Дочка ханская сверх наград,
Лунолика Паризад.
Эй, скачите во весь опор
Все джигиты на ханский двор!»

5

Эту весть разнесли в ночи
Быстроногие карнайчи.
Вдоль базара летит она,
У мазара гудит она.
Ой, как пыль по полям пылит,
Сбруи звон по ветрам летит!
То не солнце в огне лучей,
То сверканье кривых мечей —
Едут, едут богатыри
От зари до другой зари,
Бьют нагайками на скаку
По узорному чепраку.
Едут мимо солончаков,
Едут мимо пышных лугов,
Горяча молодых коней,
Джигитовкой гордись своей,
От зари до другой зари
Едут, едут богатыри.

6

Над землею взошла заря,
Как цветущий гранат горя.
Алокрылые лепестки
Осыпают все чепраки,
В блеске их, как большой пожар,
Чернобурый горит чинар.
Тяжко ветви его скрипят,
Грозно ветры в ветвях гудят,
А под черною гущей ветвей,
Оседлавши своих коней

Здесь и там женихи снуют,
Скакуны удила грызут,
И зевак любопытных круг
Обсуждает красу подруг
И, величием осиян,
В златотканом халате хан,
И прекрасная Паризад
Поднимает лукавый взгляд.
Вот над замершею толпой
Первый ринулся вверх герой.
Треск! И в корчах скакун хрипит,
И, повержен, герой лежит.
И, стрелой пролетев, второй
Оземь грохнулся головой.
Третий, съевший кожу змеи(1),
Руки, ноги сломал свои.
А четвертый легко взлетел,
Спрыгнул вниз... а чинар-то цел!
Недвижимо чинар стоит,
Только ветер в листве шумит,
Грозный рокот в седых ветвях,
Под ветвями — кровавый прах..
Семь бессонных ночей и дней
На дыбы вздымали коней.
С исполином вели борьбу
Те, кто верил в свою судьбу,
А другие, потупив взгляд,
Погоняли коней назад
Вот восьмая заря видна,
А задача не решена

7

Косы шелковые свои
Омочив в пролитой крови,
Опустила надменный взгляд
Неподвижная Паризад
Хан на месте едва сидел,
За семь суток он поседел,
Слезы горя, давясь, глотал,
Трясся, охал — потом вскричал:
«Что же это? Иль будем мы
Так и жить средь позорной тьмы?
Или нет у коней подков,
Или нет в стране удальцов?
Эй, глашатаи, карнайчи!
Во всю глотку опять кричи!

Ищут пусть по земле его,
Зятя славного моего!
Если есть хоть один джигит,
Что, не слыша указа, спит,
Что на празднество опоздал
И своей судьбы не узнал,
Если есть хоть один в стране,-
Приведите его ко мне!»
Снова вскинули карнайчи
Трубы звонкие, как мечи
По дорогам пошли опять
Волю ханскую выполнять.

8

Степь закатная широка,
В алом пламени облака.
Тихо так, что услышишь тут,
Как травинки в степи растут,
Как роняет степной тюльпан
Лепестки на седой курган,
Как звенят угольки в костре,
Догорающем на заре
И сидит над костром пастух,
Горьковатый вдыхает дух,
Низко голову опустил,
Руки смуглые уронил.
Овцы сонные шерстяной
Окружили его стеной
В красноватом костра огне
Овцы что-то жуют во сне
Звезды выплыли на простор.
Дышат травы. Дымит костер.
Таает ночь... Напрягая слух,
Флейту в руки берет пастух,
И в напеве его слышны
Даже шепоты тишины
Только чьи-то шаги хрустят,
Чьи-то люди к нему спешат.
«Что сидишь, словно в землю врыт
Поднимайся скорей, джигит,
Лучший свой надевай чапан —
Ко двору тебя просит хан».
И пошел по степной тропе
Он навстречу своей судьбе,
Бросив стадо и посох свой,
Только флейту забрал с собой.

Вот и конный шумит базар,
Вот и темный стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон.
Вот, величием осиян
В златотканом халате хан,
Рядом с ним, словно в звездах ночь,
Красотою сверкает дочь
И поодаль от ханских слуг
Перед ними стоит пастух.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Мудрый хан, я пастух степной».
«Твоему я приходу рад.
Как зовут тебя?»
«Я — Буньяд».
«Почему ж ты, Буньяд, проспал
И на скачки не прискакал?
Или ты, мой пастух, не рад
В жены высватать Паризад?
Или счастье нейдет к тебе
По заросшей степной тропе?»
И волшебница Паризад
К пастуху обратила взгляд,
И Буньяд на нее глядит...
Так звезда с высоты летит,
Золотую роняя пыль
На засохший степной ковыль,
И ковыль под ее лучом
Очарованным стал цветком,
Отраженным в речной воде.
Сам не веря своей звезде.
Опускает Буньяд свой взор,
Продолжает он разговор:
«Мудрый хан, я пастух простой,
Я живу в тишине степной
И не видел я никогда,
Чтоб летела ко мне звезда.
Счастье прячется от меня,
Чтоб найти его, нет коня.
Не по мне, видно, звездный свет,
Нет коня, значит, крыльев нет!
Все богатство мое со мной —
В этой дудочке золотой.
Хочешь, песню тебе спою

Про широкую степь мою?»
«Запоешь! — рассердился хан. —
Запоешь у меня, чурбан!..
Эй, ведите из табуна
Красногривого скакуна!
Если свалит чинар пастух,
Будь он на уха оба глух,
Будь он увальнем, дураком,
Прокаженным иль бедняком —
Я отдам ему в жены дочь,
Той отпраздную в эту ночь!
Нет терпения у меня...
Эй, ведите скорей коня!.. »

10

Конь копытами землю бьет,
Гневно конь удила грызет.
Неотрывно глядит Буньяд
На красавицу Паризад,
А над ними чинар седой
Черно-бурой шумит листвой,
Грозный рокот в тугих ветвях,
Под ветвями — кровавый прах
Конь копытами землю бьет
Хан глядит, все глядят... и вот,
Исступленным огнем объят,
Скакуна осадил Буньяд
Полоснул скакуна камчой
Так, что брызнула кровь струей
Растоптал по пути траву
И, как молния, - в синеву!
Степь ли силу ему дала
Буйный ветер — свои крыла,
Звезды ль дали над небом власть.
Чары ль ночи — к победе страсть,
Или это лукавый взгляд
Брови вскинувшей Паризад, —
Только гром в синеве растет,
Только шум по земле идет
Загудел как большой пожар,
Исполинский седой чинар.
Конь распластан во весь прыжок,
От передних до задних ног,
Богатырская мнет рука
Ветви, вздетые в облака
И еще, и еще удар!

Пошатнулся седой чинар,
Корни вырвал он из земли—
В черных комьях, во мху, в пыли, —
Пошатнулся, вновь прямо встал
И на землю плашмя упал
И с презрением наш герой
Попирает чинар ногой,
Сам прекрасен и невредим!
Все склоняются перед ним,
Но глядит он поверх людей,
Ищет очи звезды своей.

11

Где она? Почему она,
Как ненастная ночь, темна?..
И спокойно Буньяд идет,
Тихо руку ей подает,
Но она от руки любви
Отшатнулась, как от змеи.
И, отмеривая слова,
Процедила едва-едва:
«Вижу, ты победил, герой
Что же, можешь своей рукой
Ты холодную руку взять
И женою меня назвать
Я согласна идти на той —
Это право твое, герой.
Только как бы ты был любим,
Если б сердцем владел моим,
Если б выслушал ты меня,
Поднял меч и погнал коня
Вон туда, на огонь зари...
Как прикажешь ты?»
"Говори! Говори!
— прошептал Буньяд, —
Все, что хочешь, я сделать рад
Все дороги смогу пройти,
Лишь бы сердце твое найти.
Если сделать что не смогу,
Если буду еще в долгу, —
Откажись от меня тогда
Отвернись от меня, звезда!»
Со склоненною головой
Он услышал рассказ такой:
«В царстве ночи, где запад сед,
Есть гора человеческих бед:

Безобразна и высока,
Зацепилась за облака,
Черепами усыпан низ..
Див чудовищный Ялмогыз
У подножья горы сидит,
Кости желтые сторожит.
Кровь людская — его еда,
Не насытится никогда.
Смерть несет его каждый взгляд.
Изо рта его брызжет яд,
И от взмаха тяжелых рук
Цепенеет вся жизнь вокруг.
А вокруг до семи небес
Возвышается мертвый лес.
И безмолвно он стережет
Злой пучины водоворот.
У реки меж свинцовых глыб-
Только груды гниющих рыб,
За пучиной пески, пески,
Бесконечны и широки.
Если эти пески пройдешь,
И пучину переплывешь,
И пробьешься сквозь мертвый лес
Высотой до семи небес
Если ты богатырь такой,
Что сумеешь своей рукой
Ялмогыза убить в бою —
Поцелую руку твою,
Буду нежной тебе женой!
Поезжай, если ты герой!
Знай: когда б ни пришел назад,
Будет ждать тебя Паризад».
Удивленный народ роптал,
Хан от ярости весь дрожал.
Руки сжав, затаивши дух,
Слушал страстную речь пастух.
А потом поглядел сквозь пыль
На волнистый степной ковыль,
Богатырским повел плечом,
Оглядел скакуна кругом
И сказал: «По джигиту — честь.
Был бы конь, а наездник есть.
Чтобы счастье свое добыть,
Мир не трудно объездить мне!
Обещанье тебе даю:
Ялмогыза убью в бою,
Дайте меч по моей руке,

Дайте горстку земли в платке
И прощайте!» — и отдал он
Чаровнице земной поклон.
... Непроглядна ночная ширь
Едет к западу богатырь

Глава вторая

1

Ночь за ночью и день за днем
Едет всадник своим путем,
Мимо ярких степных костров,
Мимо глиняных кишлаков.
Материнской любви полна,
С ним прощается вся страна.
Машут ветки седой джиды,
Машут струйки речной воды,
Огоньки освещают тьму,
Смотрят женщины вслед ему...
Ночь за ночью и день за днем
Едет всадник своим путем.

2

Ехал, ехал вперед, пока,
Не легла на пути река
Непроглядна речная ширь,
Стал у берега богатырь
«Ой, река, ты куда бежишь?
Ой, волна, ты куда летишь?
Вырываясь из ледников
Извиваясь среди холмов,
Рыжий пламень бежит сквозь тьму
К морю синему своему
Не такую ль гоним судьбой,
Я покинул свой край родной
И приехал издалека
Побрататься с тобой, река!
Проплывем по волнам с конем
Иль погибнем на дне твоём
Насмерть драться мне суждено,
К морю мчатся.. Да где ж оно?»
И плывет на коне Буньяд
Меж крутых водяных громад.
Вот уж та сторона видна,

Но встает на пути волна,
Окатила она его
С головы и до ног всего,
С воем вырвала из седла,
По течению понесла
Красногривый его скакун
Мертвым выброшен ва валун,
А Буньяд по реке плывет,
Погружаясь в водоворот.
Без сознания богатырь...
Неоглядна речная ширь.

3

Полумесяц встал золотой
Над красавицею рекой,
И из пены жемчужных вод
Поднимается хоровод.
Это пери речной волны
Выплывают из глубины.
Лунный жемчуг в их волосах,
Лунный пламень горит в очах,
Звонок смех серебристых дев,
И загадочен их напев.
Вот веселой они толпой
На песок идут золотой
И, усевшись на бережку,
Вынимают по гребешку,
Моют волосы, чешут их,
Отражаясь в волнах речных.
И сказала из них одна:
«Кто-то тянет меня со дна.
Это рыба или змея —
Зацепилась косами я».
Встрепенулся веселый круг
Оживленных ее подруг.
Стали стайкой на дно нырять,
Косы черные отцеплять
«Нет, не рыба и не змея,
Нет, подруги, ошиблась я:
Богатырь в моих волосах,
В шелковистых моих сетях.
И красивый и молодой,
И как будто еще живой».
Пери вытащили его,
Платье высушили его.
И Буньяд (это был Буньяд)

Открывает смятенный взгляд.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Я Буньяд, я пастух степной».
«Как же ты с боевым мечом
Оказался на дне речном?»
«Я оставил шалаш родной
И опасной пошел тропой.
В царство ночи мой путь лежит,
Там чудовищный див сидит.
Ялмогыза иду убить,
Свое счастье в бою добыгь.
А река на пути легла,
И река коня отняла...
Что ж, пешком я пойду сейчас!»
«Не спеши, погости у нас.
Оставайся.. Мы здесь вольны.
Под жемчужным лучом луны
Наши косы черным-черны,
Очи страстны и зелены.
Ил мы смоем с могучих плеч,
Богатырский наточим меч,
Мы попляшем и попоем,
На прощанье рукой махнем».
Улыбаясь, Буньяд привстал,
Флейту вымокшую достал,
Чтоб немного потешить их,
Луноликих подруг своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Оглянулся Буньяд кругом,
Богатырским повел плечом
И, подругам отдав поклон,
В путь свой пешим пустился он.

4

День и ночь он идет вперед,
Может, месяц, а может, год.
И встает на пути гора
Вся из чистого серебра.
По тропинке ее крутой
Без боязни полез герой.
То подтянется на руке,
То повиснет на кушаке,
А над самою головой
Камень высится вековой,
Загораживая пути.

И нельзя его обойти
Поднял меч богатырь Буньяд
И ударил пять раз подряд,
Загремела в ответ гора,
И открылась в горе нора,
И в раскрытый пред ним пролет
Пригибаясь, Буньяд идет.
Темнота. Не видать ни зги.
По ступеням стучат шаги
Слышен рокот подземных вод,
Расступается черный свод.
И навстречу, как светляки,
Разноцветные огоньки
Обступают его вокруг,
Ослепляя, касаясь рук.
Он за ними — они назад,
Он от них, а они блестят.
И не выдержал наш Буньяд,
Стал рубить их за рядом ряд
«Эй, отстаньте! Я не шучу,
Вашу гору разворочу!
Кто господствует над горой? -
Покажись! Выходи на бой!
И опять загудела тьма,
Расступилась гора сама,
Загорелся свет золотой.
Карлик с рыжею бородой,
Хил, уродлив, но горделив,
Говорит: «Я великий див.
Я хранитель богатств земных.
Я властитель пространств своих,
Я господствую над горой!
Отвечай мне: кто ты такой,
Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
А за дивом кишмя кишат
Бородатые и пищат:
«Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
Отвечает тогда герой:
«Горный див! Я пастух степной,
Я оставил родимый дом
И опасным пошел путем,
Чтобы счастье свое добыть,
Ялмогыза в бою убить.
Но река отняла коня,
Проглотила гора меня,

Нет, не нужно мне ничею
Из богатства из твоего.
Мне б дорогу в горе найти
И на запад скорей уйти!»
Усмехнулся подземный див:
«Видишь золота перелив?
Эта блещущая стена
Вся из золота сложена.
Там сапфиры горой лежат,
Там рубины зарей горят.
Посмотри сюда, посмотри:
Разгораются янтари.
Вот волшебный седой топаз,
Изумруд, как кошачий глаз
Всей вселенной твоей краса,
Разноцветные чудеса
Пред тобою, в руках твоих.
Посмотри, богатырь, на них».
Дивы дружно кругом снуют,
Камни яркие подают.
Очарованный, наш герой
Флейту быстрой достал рукой,
Чтоб потешить немного их,
Бородатых друзей своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Дивам с флейтою сладу нет —
Отпустили его на свет.
Проводили, назад ушли,
Огоньками сгорев вдали,
И, отвесивши им поклон
Вновь в дорогу пустился он

5

Вновь идет он своим путем,
И пустыня лежит кругом.
Ни травинки в ней не растет,
Ни былинки в ней не цветет.
А шуршат и ползут пески,
Неоглядны и высоки.
В красном зное идет Буньяд
Много дней и ночей подряд.
Вот уже ни куска еды,
Вот уже ни глотка воды,
Изнывают ступни от ран.
Опустился он на бархан.

А песчинки ползут, ползут,
И как будто они поют:
«Ой, песчинки! Куда, куда
Мы уносимся без следа?
Гонит нас над землею рок
Без разбора и без дорог,
Ветер знойный нас вдаль несет,
Вверх вздымает, крылами бьет.
Нам приюта нигде не знать,
Бесконечно нам кочевать.. »
И песчинки ползут, ползут...
Эту ль песню они поют.

6

Открывает Буньяд глаза —
Неба светится бирюза,
Желтизною песок блестит,
На песке карагач стоит
Потемневший, прогнивший ствол
Одичал, и угрюм, и гол, -
Видно, так с давних-давних пор
Он в небесный глядит простор,
На вершине держа своей
Несгибаемых пять ветвей.
Ветви те в вышине торчат,
Под тяжелым гнездом скрипят.
Свито, словно навек, оно
И птенцами полным-полно.
Неподвижно глядит Буньяд —
Изумлением он объят
Вдруг шипенье, и свист, и вой
Раздаются над головой
Огневой чешуей горя,
Ослепляя богатыря,
Страшный змей по песку ползет,
Страшный змей на хвосте встает.
Крепко дерева ствол обвив,
Пасть клокочущую открыв,
Страшный змей над гнездом шипит.
Беззащитным птенцам грозит.
Иступленно кричат птенцы,
Крик несется во все концы,
И звенит над пустыней всей,
Словно жалобный плач детей.
Этот жалобный птичий крик
Сжег усталость Буньяда вмиг.

Вот он рядом с карагачом,
Вот он змея разит мечом
Черный дым в огневых клубах,
Фиолетовых молний взмах, -
Рухнул змей, устоять не мог,
И Буньяд упал на песок
Он упал на песок пластом
И тяжелым забылся сном.
И тогда с бирюзовых круч
Пал на землю отвесный луч,
Загудела, запела высь,
Ветры пыльные поднялись.
Два распластанные крыла
Солнце в небе закрыли. Мгла,
Трубный клекот, песчаный пыл,
Трепетание тяжких крыл.
Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь,
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Семург.
Кубок синих небес до дна
Осушает глотком она,
Солнце страстные, как гроза,
Пожирают ее глаза.
Пыль времен на ее крылах,
Кровь времен на кривых когтях,
Под крылом высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.
Затаенной тоской веков
Полон этот гортанный зов...
Зачарованный мир молчит —
Птица счастья над ним парит.

8

Развернувши свои крыла,
Над пустыней Семург плыла,
Над заветным плыла гнездом.
Видит: кто-то лежит ничком;
Кто-то, дерзкий, пути нашел
В пустовавший веками дол.
Крылья дрогнули и взвились,
Птица камнем упала вниз,
Человека огнем разя,
Острым клювом ему грозя.
А птенцы увидели мать,
Стали жалобно умолять:

«Мама! Странника пожалей,
Острым клювом его не бей!
Это он, беззащитных, нас
От гремучего змея спас.
Если б не был он добр и смел,
Нас бы змей кровожадный съел
Мама, милая! Пожалей,
Гостя нашего не убей!»
И одумалась тут Семург,
Оглянулась она вокруг, -
Видит в красной крови своей
Утопает гремучий змей.
В зное солнечном человек
Не поднимет усталых век.
И над ним, доброты полна,
Развернула крыла она,
И неделю глубоким сном
Спал Буньяд под ее крылом
Полетела Семург к реке,
Опустилась на бережке,
Окунулась в глубину,
Зачерпнула крылом волну,
Отряхнувшись над смельчаком
Окропила его дождем
Потянулся Буньяд, привстал,
Говорит: «Хорошо поспал!
Тень вокруг, и водица есть,
Хорошо бы теперь поесть!»
Эту речь услышав, Семург
В небесах прочертила круг,
Воротилась второпях.
Льва живого неся в когтях.
Разрывает его, и вот
Печень львиную достает
И, поджаривши под лучом,
Человеческим языком
Говорит- «По джигиту честь!
Был бы гость, угощенье — есть!»

9

Изумленно Буньяд глядит -
Чудо мира пред ним сидит.
В синих отсветах перья все
В шелковистой своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром.

Из-под темных тяжелых век
Глаз ее животворный сверк,
Взгляд бездонный — сама любовь
На изогнутом клюве — кровь,
Грива льва на когтях висит,
Чудо мира пред ним сидит,
Говорит оно, наклонясь,
Над смятеньем его смеясь:
«Ты не бойся меня, мой друг, -
Я царица песков, Семург,
В сказках всяк обо мне слышал,
Но никто меня не видал,
Я живу испокон веков
В неоглядной стране песков.
Тут растения не растут,
Не летают и птицы тут.
Никогда за мой долгий век
Не встречался мне человек
В этом пекле, в краю пустом,
Под волшебным моим гнездом
Ты прошел сквозь пожар песков,
Спас от смерти моих птенцов.
О, скажи, богатырь, какой
Отплачу я тебе ценой?
Что за дума тебя томит,
Плечи сильные тяготит?
Кто для этих могучих плеч
Отковал богатырский меч?
И какая злая беда
Привела тебя к нам сюда?
Мне желанье свое открой,
Помогу я тебе, герой!»
И в глазах ее все видней
Торжество золотых огней.
Неподвижно она сидит
И, прислушиваясь, молчит

10

Отвечает Буньяд тогда:
«Может, это и впрямь беда,
Только я без беды такой
Так и спал бы в траве степной
Я пройду сквозь огонь и смерч,
Я в бою иступлю свой меч,
Если смог я сюда дойти
И в пустыне тебя найти!

Птицей счастья тебя зовут,
Песни все о тебе поют.
Мне тебя, сквозь огонь и кровь,
Показала моя любовь.
За песчинку с твоих следов
Я всю душу отдать готов.
За пушинку с широких крыл
Свой отдам богатырский пыл!
Если хочешь, узнай сейчас
О заботах моих рассказ.
Там, за далью седых громад,
Лунолика Паризад
Рассказала однажды мне,
Что в закатной чужой стране
Злобный див Ялмогыз живет,
Кровь людскую, как воду, пьет,
Давит землю горою бед
Оскорбляет уродством свет.
Обещал я его убить,
Мир от мрака освободить.
И дорога моя трудна,
Но звезда впереди видна:
Осчастливлю народ родной,
Паризад назову женой!»
И сказала ему Семург:
«Ты обманут, мой бедный друг!
Никогда тебе не дойти
До конца твоего пути.
Бессердечная Паризад
Налила в твою чашу яд, -
Отравительница, она
С Ялмогызом давно дружна,
Посылает к нему гостей—
Тех, кто больше не нужен ей, -
Посылает на смерть к нему,
К другу страшному своему!
Див тебя загрызет живьем,
Ветер след заметет песком...
О, послушай меня, вернись,
От обманщицы откажись!
Если будешь здоров и жив,
Будешь ты и с другой счастлив.
Вещей птицы правдивый взгляд
Встретил мужественно Буньяд,
Долго-долго в него глядел,
Весь от горя он почернел.
Пересиливши боль свою,

Он промолвил: «Не отступлю!
Лев пустыни седой — и тот
По следам своим вспять нейдет,
И того осрамит молва,
Кто на ветер швырнет слова!
Лучше в битве убитым быть,
Чем позором себя покрыть.
Я пройду до конца пути,
Испытаю, что впереди!»

11

Опустила Семург глаза,
Неба спряталась бирюза,
Потемнела земля вокруг, -
Опустила глаза Семург.
«Вижу я — не отступишь ты!
В царство ночи и темноты
Пролетим мы с тобой вдвоем,
Ослепляя весь мир огнем.
Ты меж крыльев моих садись,
Ты за шею мою держись —
Отнесу я тебя туда,
Где закатная даль седа.
Об одном лишь прошу, герой:
Крепче очи свои закрой,
Чтоб кружение звезд ночных
Не слепило очей твоих
Полечу я вдвоем с тобой,
Посмотрю на кровавый бой.
Если див победит тебя,
Слезы буду я лить, скорбя,
Сказку новую для людей
Расскажу о судьбе твоей,
О тебе, богатырь Буньяд,
Что дороги не знал назад.
Если дива убьешь в бою,
Песню славы тебе спою!
Медлить нечего. Решено.
Да свершится, что суждено!»

Обретенному другу рад,
Влез на крылья к Семург Буньяд
И зажмурил свои глаза...
Загремела кругом гроза,
Загудела ночная высь,
На закат они понеслись.

Глава третья

1

Пролетели они пески,
Обогнули материки.
Небосвода лазурный круг
Разрубает плечом Семург,
Отряхая с кудрявых крыл
Серебристую пыль светил.
И герой полной грудью пьет
Сладкий ветер больших высот.
Вот восток под крылом у них
В золотистых садах своих.
Вот шафрановый пышный юг
Прошумел за спиной Семург,
Вот громады зеленых льдов
Наползают до облаков,
Вот оранжевая черта,
А за ней — одна темнота.
Жадно солнце вдохнул Буньяд,
Обернулась Семург назад,
В луч последний, тоски полна,
Обмакнула крыло она
И помчалась на всем лету
В непроглядную темноту.
Царство ночи... Кругом оно
Липкой тьмою населено,
Безобразною серой тьмой,
Бугорчатою, вековой.
Тьма лежит под тобой ничком,
Тьма сидит на тебе верхом.
Тьма качается над тобой
Полосатою пеленой.
Тьмою скованный, недвижим,
Встал Буньяд. И ползет над ним
Страшных, мрачных теней поток —
Темноты шерстяной клубок.
И сказала Семург ему:
«Погляди в кромешную тьму:
Не проломишь ее плечом,
Не разрубишь ее мечом.
Чтобы справиться с липкой тьмой,
Извивайся, ползи змеей
Все терпение собери,
Нету солнца — в себя смотри.

Хватит света в душе твоей —
Не ослепнешь среди теней!
Близок сводчатый край небес,
Близок каменный, мертвый лес,
Там гора черепов стоит,
Там чудовищный див сидит.
Там — конец твоего пути,
Ты поклялся его пройти...
Силу всю испытай его,
Слова страшного своего,
Дальше путь продолжай один,
Слова смелого властелин...
Буду ждать я тебя. Иди!
Да свершится, что впереди!
Если я не дождусь тебя,
Буду слезы я лить, скорбя, -
Кровью собственной захлебнусь,
Пылью по свету разлечусь».
Так Буньяду сказав, Семург
В глины ком обратилась вдруг,
И один зашагал Буньяд
В тьму кромешную наугад.

2

Вот и сводчатый край небес,
Вот и каменный, мертвый лес
В нем несчитанные стволы
Изувечены и голы,
За стволами гора видна,
В человеческих костях она
А навстречу огонь гудит-
Это див Ялмогыз ворчит,
Переваливаясь на ходу,
Пережевывая еду,
Как мохнатый мешок тяжел,
Див навстречу Буньяду шел
Распрявился в свой полный рост,
Перепончатый выгнул хвост.
Прямо в тучу рога вонзив,
Что-то сладкое проглотил,
Говорит, изрыгнув смешок,
Этот потный мясной мешок:
«Мой бесценный сынок Буньяд,
Как я рад тебе, как я рад!
Как дела твои, гладкий мой?
Как здоровьице, сладкий мой?»

На далекий мой огонек
Что тебя привело, сынок?
Уж не дружен ли впрямь ты с ней,
С милой доченькою моей?
Не она ли, моя звезда,
И послала тебя сюда,
Не прекрасная ль Паризад?»
«Да, она! — отвечал Буньяд. —
Но сынком не зови меня,
Я чудовищу не родня,
Я сразиться пришел с тобой —
Выходи, Ялмогыз, на бой!
Слушай ты, осквернитель снов,
Слушай, кладбище храбрецов,
Над землею нависший мрак,
Мерзость мира, проклятый враг!
Выходи! Я тебя убью,
Череп твой размозжу в бою!
Имя девушки ты сказал?
Милой дочкой ее назвал?
Пусть умрет она от тоски —
Раздроблю я тебя в куски,
Размозжу круглый череп твой!
Выходи, Ялмогыз, на бой!»

3

Замахнулся мечом Буньяд
И ударил! Зловонный чад,
Пламя желтое до небес
Обожгли, охватили лес.
Снова грянул мечом Буньяд —
Брызнул в небо зеленый яд.
Реки яда, шипя, текут,
Из разверстого рта бегут.
Меч гремит богатырский вновь
Наводнением багровым кровь,
Дива кровь, потекла кругом,
Клокоча под кривым мечом.
Наконец извернулся див,
Над Буньядом взметнулся див,
Стопудовой своей рукой
Размахнувшись над головой,
Оглушил его кулаком..
И упал богатырь ничком.
Мертвый лес, как вулкан, дрожит,
В небесах ураган гудит.

Птичьи стаи с высот летят,
Звери к ним из лесов спешат
Все явились и ждут гурьбой,
Чем окончится этот бой.
Недвижим богатырь лежит,
А над ним Ялмогыз сидит.
Говорит себе Ялмогыз:
«Я бы горло ему прогрыз!
Вот сейчас отдохну часок,
Свежей крови глотну глоток,
Полежу еще, а потом
Проглочу я его живьем.»
И кряхтит он, и весь кипит,
И на горло врага глядит.

4

Стало тихо. Туман осел
Ветер издали прилетел,
Обнял юношу, словно сон,
Тронул черные кудри он,
Бросил флейте одну волну
И умчался в свою страну
И Буньяд, задрожавший вдруг,
Слышит нежный, протяжный звук,
Словно кто-то зовет его,
Сына бедного своего.
Нет, он жив еще! Будет жить
Будет землю свою любить!
Обратясь лицом на восток,
Вынимает он свой платок,
И к шепотке земли родной
Прижимается он щекой.
Запах родины услышал
И опять исполином стал.
«Нет, я жив еще! Буду жить,
Буду недруга злого бить!»
Дым клубится с широких плеч
Ярким пламенем пышет меч,
Искры мечет, как гром гремит,
Див горой на пути стоит.
Крякнул меч и, как сгнивший ствол,
Дива надвое расколол!
Онемевший Буньяд глядит:
Мертвый див перед ним лежит
Мяса дикого косогор
Занял видимый весь простор,

Зацепились в лесу рога,
В поле высунута нога,
Ворон вьется над головой...
Так окончился этот бой.

5

И нахлынула синева,
Зашумела в лесу листва,
Словно вымытые грозой,
Засверкали кусты росой
Яркой радуги луч упал,
Самоцветами засиял.
Словно месяцы в небесах,
На своих кружевных крылах
Птичьи стаи, в лучах горя,
Окружили богатыря.
Осенили крылами меч,
Отряхнули пылинки с плеч,
Освежили дыханьем грудь,
Проводили в обратный путь

6

Еле-еле Буньяд идет,
Струйка крови за ним ползет.
Изумленно глядит окрест
И не видит знакомых мест:
Вместо страшной горы крутой
Блещет озеро синевой.
Возле синих спокойных вод
Чистит свой гребешок удод.
Там, где высился мертвый лес,
Сад прекраснее всех чудес
Вместо серой ползучей тьмы —
Алых бархатных роз холмы...
Осторожно Буньяд идет.
Глины ком на пути встает.
А из глины, как чудо, вдруг
Появляется вновь Семург.
В синих отсветах перья все
В шелковистой своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром,
Очи радостны и нежны
И к Буньяду обращены.
К ней навстречу Буньяд бежит

«Здравствуй, птица моя! — кричит. —
Здравствуй, счастье! Окончен бой.
Вновь увиделся я с тобой!»
Смотрит птица в его глаза,
Видит: в них глубоко — слеза
Видит: кудри его седы
И кровавы его следы
Видит: меч его искривлен,
Весь в зазубринах ржавых он
Пред героем склонилась ниц
Птица счастья, царица птиц.
Приложилась к его следам,
Меч его поднесла к устам
И сказала: «Мой смелый друг,
Песню славы поет Семург!
Песня эта, как мы с тобой,
Полетит над родной землей.
Пусть победы твоей полет
К новым подвигам мир зовет.
К солнцу, к солнцу!.. »
И, словно хор,
Вторил птице земной простор:
«К солнцу, к солнцу!.. »
Шумела высь.
Над землю они неслись.

7

Там, где розовый цвел урюк,
Распрошался Буньяд с Семург,
Он на камень дорожный сел,
Долго долго ей вслед смотрел,
Как она в синеве плыла,
Как сверкали ее крыла.
«Это слава моя летит,
Это счастье мое блестит,
Улетает крылатый конь... »
Вечерело. Мигнул огонь,
Потянуло дымком родным...
И пошел человек на дым.

Глава четвертая

1

Вот знакомый шумит базар,

Здесь когда-то стоял чинар...
Было это - а может, нет?..
Осыпается легкий цвет
С белых яблонь. Ручьи бегут,
Лепестки по воде плывут.
У арыка, людей полна,
Пестроцветная чайхана
Люди спорят, молчат, жуют.
Чай зеленый усердно пьют,
И гадалщик сидит слепой
В придорожной тени пустой
Свет заката в пустых глазах,
Горсть бобов — в восковых руках.
Вот Буньяд в чайчане сидит —
В пиалу крепкий чай налит, —
Исподлобья глядит вокруг:
Не найдется ль случайный друг,
Чтобы вместе чайку попить,
О событиях расспросить?
Важно люди кругом сидят,
На пришельца едва глядят:
И к чему богатеям злым
Оборванец с лицом худым.
Пышет пламенем самовар,
Заунывно звенит дутар,
В такт напеву трясет слепой
Глянцевитою головой.
Сел Буньяд рядом с ним в углу,
Протянул ему пиалу:
«Разделите, отец, со мной!
Этот скромный напиток мой!»
И слепец пиалу берет,
Чай зеленый степенно пьет,
Молвит юноше: «Мой джигит!
Ведь пословица нам велит
Людам кланяться сорок раз,
Что однажды пригрели нас.
Хочешь, зернышки разложу
И судьбу тебе предскажу?»
Улыбнулся в ответ Буньяд, -
Он не знал никаких преград,
Ялмогыза он победил,
Мир от мрака освободил.
«Нет, — сказал он, — молчи, отец!
Сам узнаю, какой конец,
Сам дойду до конца пути,
Испытаю, что впереди!.. »

У дороги миндаль цветет,
По дороге Буньяд идет...

2

В золотистый закатный свет
Серый мрамор дворца одет.
Перед страшным пришельцем вдруг
Расступаются сотни слуг.
По текинским коврам герой
В бирюзовый идет покой.
Вот, величием осиян,
В златотканом халате хан.
И Буньяд говорит ему:
«По велению твоему
Обошел я весь белый свет,
Воротился держать ответ.
Через реки я переплыл,
Через горы перевалил,
Там, на самом краю небес,
Я прошел через мертвый лес.
Див чудовищный Ялмогыз
Подо мною каменья грыз.
Это чудище я убил,
Мир от мрака освободил!
Мне не надо иных наград —
Дай мне дочь твою Паризад,
Пери ласковую мою,
Завоеванную в бою!»
Весь кипел от волненья хан,
Багровел от смущенья хан,
Тряс тревожно своей седой,
Хною крашенной бородой
И окончившему рассказ
Отвечал, не поднявши глаз:
«Да, конечно.. Ты прав, герой,
Был у нас договор такой
Значит, див Ялмогыз убит?
За наградой ты, джигит?.. »
Зашептался блестящий круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Ялмогыза убил герой,
За наградой пришел домой
За обещанной. » Хан привстал,
Хриплым голосом закричал:
«Дайте мой драгоценный меч,
Шубу красную с ханских плеч

Да в придачу мешок с казной!»
«Нет, не надо!—сказал герой. —
Унесите все это прочь!
Обещал ты в награду дочь.
Я за нею пришел, за той,
Что сказала: «Иди на бой,
И когда б ни пришел назад,
Будет ждать тебя Паризад... »
Выполняй свое слово, хан,
Не хочу я другого, хан!»
И теснее сомкнулся круг
Ханских родичей, ханских слуг
«Отказался от всех наград!
В жены требует Паризад.. »
Хан промолвил тогда: «Мой свет!
Сам ты мне подсказал ответ:
В бой не я тебя посылал
И не я обещанье дал
Позовите сюда ее,
Чудо горестное мое.
Пусть скорее сюда идет,
С ним сама разговор ведет!»
В ожиданье Буньяд стоит,
На раскрытую дверь глядит.

3

А навстречу идет она,
Как апреля луна, полна,
Вся — лукавое торжество,
Чернокосое божество.
Косы черные распустив,
Белым жемчугом перевив,
Шла, не видя кругом людей,
В горделивой красе своей.
Что такое? Иль это сон?..
Сон чудовищный видит он:
Дочь в руках Паризад несет
И сына за собой ведет,
А за ними шумит голпой
Возбужденных придворных рой
Им детей своих передав,
Перед хмурым Буньядом встав
И откинувшись вдруг назад,
Рассмеялася Паризад:
«А, пастух! Ты пришел за мной,
За смиренной своей женой?»

О, лишь тот, кто родня ослам,
Мог поверить таким словам!
Ха-ха-ха!.. До чего красив,
И отважен, и молчалив!
Посмотрите-ка на него,
Мужа нового моего!
Я тебя проводила в бой,
Чтоб разделаться так с тобой,
Прямо к диву послала в пасть,
Чтоб упряму в нее попасть
Лучше вышла б за петуха,
Чем за дикого пастуха!
Будь ты лучшим из всех людей,
Мне в постели, пастух, твоей
(Даже если в шелках она)
Все солома была б слышна,
Все бы жесткой соломы клок
В мой атласный впивался бок.
Ты уехал, и в ту же ночь
Свадьбу справила хана дочь.
И визирь наш стал мужем мне
В ту же ночь, при большой луне.
Что ж, пастух, вот и весь мой сказ!"
В хищном блеске раскосых глаз
Искры смеха еще дрожат..
В землю вросший, стоит Буньяд.

4

Словно молнией поражен,
Задрожал, покачнулся он.
Захлестнула Буньяда страсть,
Потерял над собою власть,
Вырвал меч..
Заметался круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Тише, тише! Не то Буньяд
Может всех нас сразить подряд!
С Ялмогызом сразился он,
За наградой явился он.
Он и хана и дочь убьет,
Наше ханство себе возьмет.
Тише, тише!»
Стыдом объят,
Отшатнулся назад Буньяд,
Острый меч опустил в ножны,
Очи черные слез полны.

С удивлением и тоской
Говорит он, как сам с собой:
«Паризад! Светлый образ твой
В моем сердце -совсем иной.
Нет, красавица, не тебя
Убивать мне, в слезах скорбя!
Нет, ни гибель твоя, ни кровь
Не вернут мне мою любовь.
Ты—не та, для которой я
Все земные прошел края,
Видал реки, вершины гор,
Неоглядных песков простор,
Звал меня в богатырский бой
Ясный голос совсем не твой.
Не тебя я в душе носил
И совсем не тебя любил.
Если б ты была Паризад—
Слов своих не взяла б назад!»
И поблекла лицом она,
Опозорена и темна;
Растрепалися волоса,
Вдруг исчезла ее краса...
Смотрят все и отводят взгляд
Посмотрел на нее Буньяд,
Отвернулся и вышел вон.
В тьме сиреневой небосклон,
Ветви, полные лепестков,
Волны синие ручейков —
Все навстречу спешит ему,
Сыну верному своему.
Травы, блестящие росой,
Пробиваются под ногой,
Расстилаются, как атлас,
О герое ведут рассказ.
И, услыша их шепоток,
С гор дремучих летит поток,
Рокотаньем алмазных вод
Прославляет его приход.
Звезды в руки ему летят,
Розы в очи ему глядят,
Просыпаются соловьи
И поют о его любви.
Жадно смотрит Буньяд кругом,
Ловит воздух горячим ртом:
«Нет, я жив еще! Буду жить,
Буду счастье свое ловить!
Выше горя моя любовь,

Глубже смерти моя любовь!»
И в омытый слезами взор
Загляделся земной простор,
Словно всей красоты весна
В нем, бездонном, заключена.

6

Только кто-то к нему идет,
Осторожно его зовет.
Отодвинув рукой кусты
Старец вышел из темноты
И взволнованно говорит:
«Ну и спрятался ты, джигит!
Видишь ярких костров огни?
В честь твою зажжены они!
Весь народ собрался толпой,
Чтоб увидеть тебя, герой!
Чай заварен, Из всех котлов
Ароматный дымится плов.
В круглых чашах вино кипит...
Мы жаждались тебя, джигит!
Уважение окажи,
Нам о подвигах расскажи!»

7

В трепетанье ночных костров
Краснотканый узор ковров;
Дышат шелковые цветы,
Выступая из темноты;
Тенью бархатный виноград
Обвивает просторный сад;
И, прекраснее всех огней,
Восхищенье в глазах людей.
Все героя Буньяда ждут,
Все навстречу ему встают.
Стало весело и светло,
Словно солнце в саду взошло.

8

То не солнце — то человек,
Повернувший планеты бег,
Тот, что насмерть в бою стоял,
Чтобы недруг проклятый пал,
Что окончил кровавый бой

И победу привез домой.
Шрам кривой на его плече,
Кровь врага на его мече,
Пыль дорог на седых кудрях,
Звездный свет в молодых глазах
А над ним высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.

9

Люди, люди к нему идут,
Ворох роз для него несут...
Руки нежные матерей
Поднимают к нему детей.
И красавицы, роз нежней,
Не спускают с него очей
И джигиты целуют меч,
Закаленный в пожарах сеч
И слепца поводырь ведет:
Это старый гадалщик тот,
Запыхавшийся от ходьбы,
Пробирается среди толпы.
Он к Буньяду подсел, у ног,
Пыль собрал он с его сапог,
Пыль дорожную, как бальзам,
Он к незрячим прижал глазам,
К небу руки свои воздел,
Улыбнулся — и вдруг прозрел!
... Дышат травы Цветут цветы.
Праздник блещет среди темноты.
А когда тишина сошла,
Над горами луна взошла,
Оглянулся Буньяд вокруг
И движением гибких рук
Флейту, радость свою, достал,
По ладам ее пробежал.
Люди, головы наклонив,
Ловят песенный перелив.
Песня плачет, шумит, поет...
В ней — прибой голубых высот,
Неоглядная степь в огне,
Богатырь на своем коне,
И короткий прощальный взгляд
Брови вскинувшей Паризад,
И далекий-далекий путь,
И открытая ветру грудь,
И единственный в жизни миг,

Когда к горлу подступит крик,
Когда смерть с четырех сторон,
А в тебе огонек зажжен,
И щекочет ноздри твои
Теплый запах родной земли, -
Миг, в который проходит век,
И становится человек,
Незаметный, совсем простой,
Великаном земли родной..
Нет, не песня в саду гремит,
Это птица Семург летит
В синих отсветах перья все
В несказанной своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром
Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь.
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Семург.